

А.М. Гуревич

Евгений

Герой поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» (1833), мелкий петербургский чиновник. В поэме не указаны ни его фамилия, ни возраст, ни чин, ни место службы, ничего не говорится о его прошлом, внешности, чертах характера. На этом фоне особенно многозначителен намек на аристократическое происхождение Евгения, как и само его имя, напоминающее о петербургском аристократе Евгении Онегине. Несомненно глубокий художественный смысл подобных умолчаний. Лишив Евгения индивидуальных примет, автор превращает его в человека толпы — заурядного и массовидного, «каких встречаем всюду тьму» (поэма «Езерский»). Но та же обезличенность открывает возможности символического укрупнения образа мелкого чиновника, вырастающего в некий сверттип — аналог символической фигуры «медного всадника». На этом противоречии и строится сюжет поэмы.

Социальное и нравственное ничтожество Евгения отчетливо выявлено уже в самом начале первой части поэмы. Это дворянин, вконец, кажется, забывший о прошлом, превратившийся в мещанина не только по своему достатку, но и по образу жизни, по своим идеалам. Намечающаяся в его мечтах перспектива «мещанского счастья» должна как будто закрепить связь героя с разночинной средой. Но в экстремальной, критической ситуации — перед лицом разыгравшейся стихии и принесенных ею несчастий — Евгений словно пробуждается ото сна и сбрасывает с себя личину «ничтожества». И если в начале поэмы подчеркнута несоизмеримость личности Петра, поглощенного мыслью о судьбах России, и Евгений с его убогими планами личного благополучия, то уже в конце первой части дистанция между ними резко сокращается.

Забывший о собственной безопасности, охваченный тревогой за судьбу близких, Евгений нравственно вырастает в глазах читателя, вызывает его живое сочувствие. Он становится олицетворением массы, воплощением несчастных и обездоленных людей — жертв наводнения. И это его возвышение закреплено в символическом рисунке поэмы. Сидя среди бушующих волн «на звере мраморном верхом», в классической наполеоновской позе («руки сжав крестом») позади бронзового монумента, он становится в этот миг как бы подобием великана Петра, отчасти уравнивается с ним в масштабах. Затем, уже во второй части, Евгений совершает поистине героический поступок, отправившись в лодке «через волны страшные» к ветхому домику «у самого залива» — жилищу своей невесты. Потрясение его при виде катастрофы таково, что он сходит с ума. Наконец, в кульминационной точке поэмы, в момент, когда «прояснились в нем страшно мысли», герой, «злбно задрожав», обращается с прямой угрозой к «державцу полумира». И эта мятежная вспышка вновь сталкивает и уравнивает — пусть на мгновение — Евгения и Петра. И хотя это всего лишь выходка безумца, сама решимость бросить вызов «грозному царю» овеяна в поэме ореолом величия.

Конечно, сам по себе минутный бунт Евгения не страшен «горделивому истукану». Но он в глазах Пушкина грозный симптом — предвестие новых мятежей, грядущих социальных катаклизмов, тем более что на царя восстает «ничтожный» потомок некогда славного дворянского рода, в чьей душе пробуждается мятежное своеволие и гордая независимость аристократических предков. Ибо социально и политически униженное старинное русское дворянство представлялось Пушкину «страшной стихией мятежей» (ближайшим историческим примером для него было восстание декабристов). Скрытая, внутренняя готовность к протесту связывает Евгения с Дубровским и Гриневым, с персонажами ряда неоконченных произведений Пушкина конца 1820–1830-х, воплощающих

напряженные раздумья поэта о судьбе древней русской аристократии и ее взаимоотношениях с верховной властью.